

Е.А. Коляскина

Традиционные представления о женском теле русских Алтая

Ключевые слова: традиционные представления, русские Алтай, женское тело, волосы, «скрытость», регулы, «нечистота», «грешность», гигиена, каноны красоты.

Современное российское общество все чаще стало обращать внимание на свою историю и традиции. К изучению представлений о женском теле в русской традиционной культуре обращались Т.А. Топорков, Т.Б. Щепанская, Мазалова и др. В данной статье описаны воззрения русского населения Алтая.

Во второй половине XIX – первой трети XX в. на территории современного Алтайского края и примыкающих районах Горного Алтая и Республики Казахстан сельское население разделялось на старожилов и переселенцев. В первой группе по конфессиональной принадлежности выделялись православные (*сибиряки, бергалы, казаки*) и старообрядцы (*поляки, кержачки, австрийцы* и др.). Переселенцы (*российские*) делились по местам выхода (*воронежские, вятские, курские* и т.д.).

Тело женщины не являлось предметом демонстрации. Замужняя женщина не могла показываться на людях с непокрытой головой – *гологоловой, простоволосой* – это считалось неприличным, грехом, особенно у старообрядцев [1, с. 23; 2, с. 32]. Выйдя замуж, женщина должна была закрывать волосы головными уборами – *кичкой, шашмурой*, которые покрывали платком или шалью. В исследуемый период эти уборы носили в основном старообрядки, остальные женщины часто ограничивались платком, к свадьбе шили *наколок, сапец* [1, с. 22–23; 2, с. 32; 3, с. 346; 4; 5, с. 131–132; 6, с. 172; 7, с. 10]. Бухтарминские старообрядки могли снять шашмуру на ночь, *космачом* разрешалось только спать. Ходить в непокрытой платком шашмуре даже в своем доме можно было только старухам. Заплетая две косы, замужняя кержачка не должна была перекрещивать волосы – это считалось грехом, она расчесывала каждую сторону отдельно, соединять волосы в одну косу было позволительно лишь девушке [3, с. 347–348].

Незакрытые волосы замужней женщины наделялись разрушительной силой. Так, в заговоре старообрядцев от мора пчел как одна из его возможных причин упоминались *бабы простоволоски* [1, с. 96; 2, с. 71]. Считалось, что нельзя кормить ребенка грудью с непокрытой головой. У некоторых старожилов и переселенцев сохранялось представление о необхо-

димости собирать в течение жизни свои вычесанные волосы и ногти, чтобы после смерти их положили в гроб. Считалось, что если птица унесет волосы к себе в гнездо, то у человека будет болеть голова [1, с. 92]. В гаданиях волосы связывались с магией, сексуальной энергией, потусторонним миром. Бухтарминцы считали, что остриженные ногти нужно класть за пазуху [1, с. 93].

Закрытой у женщины должна была быть и шея, поэтому распространение имели фасоны одежды *под горлышко* или с *глухим* воротником – *ошейником*, особенно у старожилов [3, с. 326; 5, с. 128; 6, 166–167].

У старожилов рукава должны были закрывать руки до запястья – *косточки* [3, с. 29, 177, 321, 337; 6, 167]. При выяснении отношений между мужчиной и женщиной последняя могла сказать: «Что ты меня ругаешь! Ты моих локтей видал?» [8, с. 23]. Девушки-старожилки и женщины-переселенки могли позволить себе более короткий рукав, но локти оставались закрытыми [3, с. 174; 5, с. 128]. Видимо, рукам придавалось ритуальное значение, о чем свидетельствует элемент свадебно-ритуала *рукобитье/зарученье* [1, с. 73; 3, с. 353–354; 9, с. 187; 10, с. 3; 11, с. 16].

Свои ноги старожилки скрывали под юбкой или сарафаном длиной по щиколотку или даже *в пол*. В 1920–1930-х гг. стали носить юбки до середины голени, как у переселенок [3, с. 29, 177, 337; 5, с. 128; 6, 167–168; 8, с. 23]. Г.Д. Гребенщиков писал, что в крестьянском быту юбки задира́ть не полагалось [4]. Тем более показать женщине колени считалось непристойным, даже грехом. В начале 1930-х гг. в некоторых селах Алтая появились юбки до середины икры и даже выше колена. Говорили, что это *бессовестная мода*, которая на тот момент не прижилась в алтайских селах. Обладательницу такого наряда считали *прохожей девкой*. Вероятно, женские колени связывали с сексуальной энергией, что отразил фольклорный материал. Ассоциация ног и сексуальности прослеживалась и в гадании на суженого.

Скрытность в женской одежде достигалась также за счет трапецевидного силуэта и многослойности. Основными формообразующими элементами были вытачки, защипы, сборки, которые создавали объемные формы [8, с. 23]. За исследуемый период в одежде старообрядцев произошло увеличение пышности женского силуэта за счет перехода к так называемому круглому сарафану (его ширина увеличилась почти в два раза, доходила до 4,5 м) и нарукавников с *борами*,

которые носили поверх рубахи и сарафана. Все это подпоясывали поясом, вокруг которого выдергивали ткань, образуя напуск [1, с. 22; 2, с. 31; 3, с. 321, 334, 337–339, 383; 4; 5, с. 132–133; 6, 164–167; 7, с. 10]. Фотографии запечатлели бухтарминок в костюмах объемного силуэта, пышность которого акцентировалась на груди и бедрах [3, с. 29, 101, 174, 337, 342, 353]. Выделение талии опояской подчеркивало не столько ее тонкость, сколько пышность груди и бедер. В силуэте переселенок и православных старожилок акцент на талии достигался за счет рельефной конструкции кофты и пышной юбки, которые могли составлять *парочку* [8, с. 28; 12]. В начале XX в. появлялись и платья, в обиход они вошли в основном у казачек и бергалок, но были не так популярны, как *парочки* [4; 5, с. 126, 128, 130; 6, 167, 169, 171; 12; 13, с. 137]. Эта одежда подчеркивала линии женского тела. Многие староверки считали грехом носить такой костюм, называли его *мирской*, *расейской*, *дьявольской лопотью*. Только самодуровцы и австрийцы отрицали значение сохранения традиционного костюма [2, с. 34–35, 50; 3, с. 314, 319]. Но все же современные фасоны в начале XX в. теснили старинные.

Представление о необходимости *скрывать* тело женщины было связано с православной концепцией его грешности и соматическими воззрениями русских. В период регул женщина считалась *нечистой*, как и после родов. Наиболее распространенными в селах Алтая были названия регул, производные от женской одежды: *на рубахе/на рубашке/нарубашечно*, *на белье/на белье/бельевое*, т.е. регулы ассоциировались с нательной одеждой женщины. Также говорили: *мыться стала/начала мыться* (о начале регул) или *отмылась* (о наступлении климакса) – нечистота/необходимость очищения. Бытовало название, указывающее на связь смен фаз луны с ритмом женского организма – *месячные*. Зафиксированы названия, свидетельствующие о восприятии регул как части чужой, природной сферы – *гости*, *заболел/больна*.

Нечистая женщина не должна была контактировать с предметами культа: ходить в церковь, прикасаться к иконам. Данные запреты сохранялись в селах, где дольше функционировали церкви или старообрядческие общины. Запрещалась в период регул и сексуальная жизнь. Кроме ограничения в отношении тяжелой работы, нами встречено лишь одно свидетельство о существовании трудовых запретов: нельзя было готовить пищу, чтобы не испортить продукты, передав им свои качества – кислый вкус, вялость. Имел место также запрет на стирку белья со следами месячной крови совместно с прочей одеждой, правда, его сакральная причина чаще уступала место рациональному объяснению: чтобы не испачкать остальное белье. Вода после такой стирки, как и вода, применявшаяся в ритуалах жизненного цикла, считалась вредоносной, поэтому ее выливали так,

чтобы ни кто не ходили через это место. Зафиксировано представление о необходимости прятать белье со следами регул, особенно первых, от матери, чтобы *сильно не шло*. Не было принято, чтобы девочка заранее узнавала о физиологических процессах своего организма. Информацию девочка получала чаще всего от старших подруг или сестер уже после появления у нее регул. В то же время был распространен взгляд на месячные как на естественный процесс женского организма.

Появление регул означало наступление зрелости девочки, т.е. начало очень важного этапа в ее жизни. В нашем регионе «скакание в паневу» бытовало как часть свадебного ритуала у вятских и других переселенцев. У хохлов отец запрягал телегу, сажал туда дочь и возил по селу, выкрикивая: «Поспелу дыру везу ко двору». Таким образом, общество ставилось в известность, что девушка вступила в категорию невест. У сибиряков было зафиксировано упоминание схожего обычая, он совершался, когда девушка становилась *засиделой*. Подобный обычай был зафиксирован Г.В. Любимовой в Красногорском районе [14, с. 40]. Русские Алтая осознавали взаимосвязь появления регул и готовности женского организма к деторождению. Бытовало общерусское представление, что регулы отсутствуют, пока женщина кормит ребенка грудью и забеременеть в этот период нельзя.

Отношение к женской наготы было амбивалентны. С одной стороны, ее магические свойства использовались в народной медицине. С другой стороны, были развиты представления о грешности и постыдности тела, особенно у старообрядцев-беспоповцев. Когда обмывали тело покойного, то не раздевали его полностью, а поочередно обнажали части тела. Во всех этнографических группах покойного должен был обмывать представитель того же пола, на крайний случай *старуха*, т.е. женщина, лишенная *женского* начала – месячных. Бухтарминцы считали, что видеть себя во сне голым – к стыду [1, с. 101]. В то же время образ жизни и воспитания крестьян способствовал раннему узнаванию человеческого тела и его физиологических процессов. Г.Д. Гребенщиков говорил о сохранении «каменщиками» древнерусской традиции *баниться* без различия пола [15, с. 25]. Из-за тесноты помещений крестьяне часто спали все вместе на полатах или полу, летом купались в реке обнаженными, молодой паре место отводили в общем помещении, прикрытое лишь занавеской. Женщины в селах Алтая не носили трусов до 1940–1950-х гг. Их происхождение связывали с мужскими штанами, которые женщины не было не принято носить. Зажиточные старожилки 1910-х гг. рождения носили панталоны с кружевами, что предыдущее поколение считало грехом [6, с. 170]. Только староверы юга Алтая полагали нормальным носить женщинам штаны, которые они надевали для

верховой езды или работы в поле вместе с сарафаном, что вызывало недоумение и насмешки российских переселенцев [2, с. 33; 3, с. 344–345; 12].

Что касается представлений о красоте, то многие фольклорные тексты говорят о белой коже с румянцем (*кровь с молоком*), алых губах, длинных, иногда вьющихся волосах [2, с. 59, 83–84; 4]. Об использовании девушками на Алтае белил и румян упоминают лишь источник середины XIX в. и фольклор. Интересно, что последний говорит о природной белизне и румянце без использования косметики [1, с. 69; 2, с. 83; 10, с. 24]. Длинная и толстая коса считалась девичьей гордостью, чтобы увеличить ее длину и объем использовали ленты, или *косники*, *косоплетки* – бисерные или вязанные шерстяные полоски с бахромой и пуговицами [2, с. 32; 3, с. 360; 5, с. 131]. В конце 1920 – начале 1930-х гг. самые отчаянные модницы коротко остригали волосы – *под польку*. Это вызывало

насмешки и даже негодование в сельском обществе, говорили: «Под лысу польку». Особое значение придавалось глазам, в фольклоре они – канал проникновения любви [10, с. 30]. Также признаком красоты у кержаков считались гармоничные, некрупные черты лица. Важной составляющей красивого облика являлся костюм, о чем свидетельствует выражение: «Пенёк наряди, и тот хороший будет».

Представители всех групп русских крестьян Алтая в конце XIX – первой трети XX в. воспринимали тело как природную данность, которую нужно заключать в культурные рамки – одежду. Особо строго относились к этому кержаки. Тело женщины связывалось с чадородием, что отразилось в канонах красоты старожилов и переселенцев Алтая: пышные, округлые формы тела. Восприятие женского тела и его физических процессов зависело от этнокультурной принадлежности человека.

Библиографический список

1. Герасимов, Б. В долине реки Бухтармы / Б. Герасимов // ЗСПЗСОРГО. – 1911. – Вып. 5.
2. Швецова, М. «Поляки» Змеиногорского округа / М. Швецова // ЗСОИРГО. – 1899. – Кн. 26.
3. Бухтарминские старообрядцы. – Л., 1930.
4. Гребенщиков, Г.Д. Егоркина жизнь / Г.Д. Гребенщиков [Электронный ресурс] // <http://irbis.asu.ru/docs/altai/literature/greben/story.html>.
5. Корникова, Л.В. Типология и эволюция народного костюма крестьян Бийского округа в первой трети XX в. / Л.В. Корникова // Бийский район: История и современность : в 2 т. – Барнаул, 2005. – Т. 1.
6. Куприянова, И.В. Типы мужской и женской одежды, бытовавшей в первой трети XX в. / И.В. Куприянова // Залесовское Причумышье : очерки истории и культуры. – Барнаул, 2004.
7. Новоселов, А. Отчет о поездке на Алтай / А. Новоселов // Известия ЗСОИРГО. – 1913. – Т. 1. – Вып. 2.
8. Фурсова, Е.Ф. Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец XIX – начало XX вв.) / Е.Ф. Фурсова. – Новосибирск, 1997.
9. Белослюдов, А.Н. Свадебный ритуал «каменщиков» / А.Н. Белослюдов // Шарабарина Т.Г. Русские свадебные традиции на Рудном Алтае. – Усть-Каменогорск, 2004.
10. Гуляев, С. Этнографические очерки Южной Сибири / С. Гуляев // Библиотека для чтения. – СПб., 1848. – Т. 90. – Ч. 1.
11. Швецова, М. Из поездки в Ридерский край / М. Швецова // ЗСОИРГО. – 1898. – Кн. 25–26.
12. Гребенщиков, Г.Д. Река Уба и убинские люди / Г.Д. Гребенщиков [Электронный ресурс] // <http://irbis.asu.ru/docs/altai/literature/greben/story.html>
13. Липинская, В.А. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае. XVIII – начало XIX вв. / В.А. Липинская. – М., 1996.
14. Любимова, Г.В. Возрастная символика в культуре календарного праздника русского населения Сибири XIX–XX веков / Г.В. Любимова. – Новосибирск, 2004.
15. Гребенщиков, Г.Д. Алтайская Русь / Г.Д. Гребенщиков // Алтайский альманах. – СПб., 1914.